
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Е.А. Мехмадиев

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 94(37).08

ФРАНКИ В ПОЗДНЕРИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ И ПЕРВЫЕ МЕРОВИНГИ: К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ НАДПИСИ ИЗ ИТАЛИИ (ГОРОД БРЕШИА) АЕ. 1999. 733

Ключевые слова: *надпись из Брешии; Меровеи; Меровинги; троянский миф; франки; Салии; позднеримская императорская гвардия.*

Традиционно личность короля франков Меровея, легендарного основателя династии Меровингов, рассматривается в историографии как недостоверная, подобное положение связано в первую очередь с малочисленностью сведений самих источников о данном персонаже. Историографическая традиция франков в лице Григория Турского, Фредегара и «Книги истории франков» донесла до нас скудные и разрозненные сведения о Меровее. Тем не менее латинская надпись (эпитафия) из города Брешиа на севере Италии, как кажется, может пролить свет и раскрыть некоторые новые, ранее совершенно не изученные подробности из жизни основателя династии Меровингов. Эти детали касаются характера взаимоотношений франков и западной Римской империи в 448/450 – 458/460 годах, когда предположительно правил Меровея. Эта надпись упоминает некоего Маровеха, судя по имени, он был франком. Сопоставив сведения надписи с данными нарративных источников («Книга истории франков», поэма Сидония Аполлинария, труды Зосима и Аммиана Марцеллина), автор пришел к выводу, что Маровех из надписи был родственником Меровея, более того, Маровех служил в элитном войсковом отряде позднеримской придворной гвардии, отряд назывался «схола гентиллов». По мнению автора, Маровех попал в данное подразделение в результате договора, который римляне и франки во главе с Меровеем заключили между собой в 455/456 годах, в период правления западноримского императора Авиты. Договор устанавливал военный союз между франками и римлянами, в рамках договора представители племенной аристократии франков, и среди них Маровех, вошли в состав элитных соединений позднеримской императорской гвардии.

В 1999 году А. Гардзетти и В. Вальво издали каталог надписей, обнаруженных в пределах и в округе города Брешиа на севере Италии. Одна из надписей, опубликованная под номером 9, упоминает воина позднеримской придворной императорской гвардии по имени Маровех [Garzetti, Valvo, 1999, 45–47, no. 9]. Согласно тексту документа, этот воин служил в школе гентиллов (*schola gentilium*), то есть в одном из основных подразделений императорской гвардии. Данная надпись была перепечатана в каталоге «L'Année épigraphique» («Эпиграфический ежегодник», сокращенное обозначение – АЕ) за 1999 год под номером 733. Цитируем текст по чтению, представленному в АЕ:

АЕ. 1999. 733, p. 228

*Maroveh[us] d[omi]ne sc[h]ola gentili[um] hese (sic, очевидно, hese = hic – Е.М.)
/ [i]acet q[ui] vixit ann[us] plus minus / numero L. Ads[up]erus*

«Маровех, из школы гентиллов, покоится здесь, он прожил (жизнь)
в количестве около 50 лет. Адсупер»

А. Гардзетти и В. Вальво предположили, что имя Маровех (*Marovehus*) представляет собой вариант имени Мерovej (*Meroveus*) [Garzetti, Valvo, 1999, 47]. Как известно, имя Мерovej принадлежало легендарному королю франков, основателю династии Меровингов. По мнению исследователей, Мерovej правил франками в 448–458 году. Тем не менее А. Гардзетти и В. Вальво датировали надпись (эпитафию) из Брешии IV–V веком [Garzetti, Valvo, 1999, 45]. Как проследил О. Эвиг, в V веке корень *mero-* встречается в именах представителей племенной знати франков только один раз – в имени короля Меровея, деда Хлодвига, основателя королевства франков. О. Эвиг датирует время правления Меровея 450–460 годами [Ewig, 1991, 25, 40].

Следовательно, надпись из Брешии логично порождает новый вопрос: есть ли какая-либо связь между Маровехом из надписи и легендарным франкским королем, основателем династии Меровингов, и если есть, как в таком случае надпись из Брешии расширяет или обновляет наши знания о взаимоотношениях западной Римской империи и салических франков в середине V века? Не так давно Э. Ренар оценил фигуру короля Меровея в источниках, прежде всего у Григория Турского и Фредегара, как «эфемерного персонажа, чье имя не связано с каким-либо военным деянием или историческим событием» («un personnage évanescent, dont le nom n'est associé à aucun fait d'armes, à aucun événement historique») [Renard, 2014, 1022], но в данном контексте следует подчеркнуть, что Э. Ренару осталась неизвестной надпись из Брешии, он не использовал ее в своем исследовании. Тем не менее, как признает А. Мюррей, Мерovej был реально существовавшим персонажем, жившим в середине V века. Другой вопрос, что источники стали называть его именем королевскую династию франков не ранее 640 года. Наименование «Меровинги» впервые упоминается в «Жизни Ионы из Боббио», монаха аббатства св. Колумбана в Боббио, и в «Хронике» Фредегара, Григорий Турский еще не использует это наименование [Murphy, 1998, 136–137, 151–152].

Поскольку во всех исторических хрониках, созданных в эпоху Меро-вингов, имя Меровея неизменно и прочно было связано с салическими франками, необходимо ответить на вопрос, как менялись взаимоотношения римлян и салиев в IV–V веках, вплоть до предполагаемого времени правления короля Меровея (448/450–458/460 годы).

Франки-салии, леты и северо-западная Галлия в 358 году.

Впервые этноним (или наименование) «Салии» встречается применительно к событиям 358 года: тогда, как известно, Цезарь Юлиан (будущий император Юлиан Отступник) проводил интенсивные военные кампании против франков и аламанных на рейнской границе. Одним из противников Юлиана было племя салиев, наиболее подробные сведения о борьбе Юлиана с данным племенем содержатся в трудах Аммиана Марцеллина и Зосима, позднеимперского и ранневизантийского историков соответственно. Аммиан отмечает, что Юлиан «в первую очередь устремился против франков, а именно – против тех, которых по обычаю называли салиями, ранее они осмелились свободно обустроить для себя место для обитания в римской земле вблизи Токсандрии» (*«petit primos omnium Francos, eos videlicet, quos consuetudo Salios appellavit, ausos olim in Romano solo apud Toxandriam locum habitacula sibi figere praelicenter»* – Amm. XVII. 8. 3). По словам Аммиана, когда Юлиан одержал над салиями победу, они обратились к нему с просьбами о мире, и в результате «он (то есть Юлиан. – *Е. М.*) принял их (то есть салиев. – *Е. М.*) (в подданство), они сдались в плен вместе с имуществом и детьми» (*«dedentes se cum opibus liberisque suscepit»* – Amm. XVII. 8. 4).

Зосим сообщает, что «народ Салиев, часть Франков, изгнанный из родных земель саксами, устремился на остров (Батавию; Зосим имеет в виду остров батавов, то есть территорию, где ранее жило галльское племя батавов, преимущественно – современные южные Нидерланды. Он отмечает, что своим течением Рейн разрезал данный регион на две части, δίχα σχιζόμενος ὁ Ῥήνος. – *Е. М.*)» (τὸ Σαλίῳν ἔθνος, Φράγκων ἀπόμοιραν, ἐκ τῆς οἰκείας χώρας ὑπὸ Σαξόνων εἰς ταύτην τὴν νῆσον ἀπελαθέντας ἐξέβαλλον – Zos. III. 6. 2).

В тот момент Юлиан был занят войной с квадами, еще одним германским племенем. По словам Зосима, «когда Цезарь узнал об этом (о нападении франков-салиев. – *Е. М.*), он направился против квадов и приказал войску из всех сил сражаться с ними (с квадами. – *Е. М.*), салиев же никоим образом не убивать, а помешать им перейти границы римлян, поскольку он знал, что они (салии. – *Е. М.*) напали на (эту) землю не как враги, но по необходимости, изгнанные квадами» (Τοῦτο μαθὼν ὁ Καῖσαρ ἀντεπῆει μὲν τοῖς Κουάδοις, παρεγγυᾷ δὲ τῷ στρατῷ τοῦτοις μὲν κατὰ τὸ καρτερὸν διαμάχεσθαι, Σαλίῳν δὲ μηδένα κτείνειν ἢ κωλύειν ἐπὶ τὰ Ῥωμαίων ὄρια διαβαίνειν οἷα μὴ ὡς πολεμίους ἐφισταμένους τῇ χώρᾳ, ἀνάγκη δὲ τῇ παρὰ Κουάδων ἐλαύνεσθαι. – Zos. III. 6. 3). В результате, как сообщает Зосим, «одни Салии, узнав о таком человеколюбии Цезаря, вместе со своим царем перешли с острова в землю, подвластную римлянам, а другие

обратились в бегство и устремились в горы, все они стали упрашивать Цезаря о защите и добровольно сдались в плен» (ταύτης αἰσθόμενοι τοῦ Καίσαρος τῆς φιλανθρωπίας οἱ Σάλιοι οἱ μὲν ἀπὸ τῆς νήσου μετὰ τοῦ σφῶν βασιλέως εἰς τὴν ὑπὸ Ῥωμαίους ἐπεραιοῦντο γῆν, οἱ δὲ συμφυγόντες εἰς τὰ ὄρη κατήεσαν, ἰκέται τοῦ Καίσαρος ἅπαντες καθιστάμενοι καὶ ἐθέλοντι τὰ καθ' ἑαυτοῦς ἐκδιδόντες – Zos. III. 6. 3).

В современной историографии (в частности, в исследованиях М. Шпрингера, Ж.-П. Поли, Э. Ренара и Т. Андерсона) доминирует следующий тезис: наименование «салии» представляло собой не этноним, а германское существительное, обозначающее «друг», «товарищ», «спутник», «соратник», «соучастник», иногда – «соотечественник». Следовательно, как заключают указанные исследователи, понятие «народ» или «племя салиев» возникло в результате ошибки греко-латинских авторов: они ошибочно приняли слово «салий», которым франки пользовались повсеместно, за название самого народа (или племени). В строгом смысле слова все франки были «салиями», то есть «соратниками» и в более общем смысле – соотечественниками, поскольку они осознавали и почитали свои родственные связи, а также жили в пределах примерно одного региона. Как отмечают М. Шпрингер, Ж.-П. Поли, Э. Ренар и Т. Андерсон, франки, добровольно сдавшиеся в плен Цезарю Юлиану в 358 году, получили статус военных поселенцев – летов, эти франки целыми общинами были расселены на территории Токсандрии, то есть в землях, располагавшихся к западу от дельты Рейна и на территории современной провинции Северный Брабант на самом юге Нидерландов. Колонии летов должны были обрабатывать пустующие ранее земельные участки и поставлять в римскую армию хорошо подготовленных и физически крепких рекрутов. По мнению Ж.-П. Поли, Э. Ренара и Т. Андерсона, военные поселения летов просуществовали в Токсандрии, то есть в северо-западной Галлии, вплоть до середины V века, когда в 430-х годах один из офицеров римских вспомогательных войск по имени Хлодий, франк по происхождению и предполагаемый дед Меровея, объединил под своей властью все общины летов Токсандрии, воспользовавшись внутренней слабостью империи и постоянными междоусобицами, сотрясавшими Галлию в тот период. Тем самым Хлодий положил начало королевской династии Меровингов. Позже Хлодий установил контроль и над римскими регулярными гарнизонами, располагавшимися в северо-западной Галлии, между городами Тонгерен и Аррас, в основном на территории современной Бельгии. Более того, Хлодий пополнил свою армию и новыми франкскими переселенцами, прибывшими в Токсандрию из регионов зарейнской Германии [Springer, 1997, 73–75, 78; Anderson, 1995, 136–138, 140–142; Renard, 2014, 1027–1028, 1030–1033; Renard, 2009, 324, 343–344; Poly, 2000, 185–188, 192–193].

В целом мы солидарны с этой трактовкой, на наш взгляд, она выглядит полностью обоснованной и аргументированной. Действительно, франки-салии, о которых говорят Аммиан Марцеллин и Зосим, представляли собой

исключительно пленников-добровольцев, расселенных в северо-западной Галлии, соответственно, эти франки могли получить только статус летов, то есть военнообязанных поселенцев-колонистов. Тем не менее подчеркнем, что и в 430-е годы франки, которых греко-римские авторы условно называли салиями, все еще подчинялись римской центральной администрации в лице начальника войск (*magister militum*) Аэция, верховного главнокомандующего всеми экспедиционными войсками западной Римской империи.

Галльский поэт и ритор Сидоний Аполлинарий в панегирике, посвященном императору Авиту (455–456 годы), подробно сообщает о тех племенах, которые воевали на стороне римлян под командованием Аэция в 436 году. Среди этих племен Сидоний упоминает и салиев: *vincitur illic / cursu Herulus, Chunus iaculis Francusque natatu, Sauromata clipeo, Salius pede, falce Gelonus* («Превзойден там (тобою – то есть Авитом, Сидоний обращается к Авиту, который в 436 году в реальности занимал всего лишь одну из рядовых офицерских должностей и подчинялся верховному командованию Аэция. – *Е. М.*) в верховой езде герул, в метании дротика гунн и в плавании франк, во владении щитом сармат, в движении салий, во владении серпом гелон» [Luetjohann, 1887, 209 – Sidon. Apoll. Carm. VII. vv. 235–237]). Конечно же, франки-салии, упоминаемые в поэме (панегирике) Сидония, представляли собой если не регулярные отряды, то, во всяком случае, вспомогательные этнические подразделения, находившиеся на службе в римской экспедиционной армии. Эти подразделения, очевидно, вербовались из тех самых общин летов, которые к тому времени продолжали жить на территории Токсандрии.

Франки во второй половине 450-х годов: Сидоний Аполлинарий, король Хильдерик и провинция Бельгика. Серьезные изменения в роли и положении франков на территории северо-западной Галлии мы можем проследить в период после 454 года, то есть после смерти полководца Аэция. Ремигий Реймский, знаменитый галльский епископ, креститель короля Хлодвига I, внука Меровея, в одном из писем к Хлодвигу отмечает: «Вы приняли на себя управление Второй Бельгикой. То, что ты стал делать это, не новшество, поскольку так всегда делали (и) твои родители» (*administrationem vos Secundum Belgice suscepisse. Non est novum, ut coeperis esse, sicut parentes tui semper fuerunt* – [Gundlach, 1892, 113, no. 2]). Очевидно, под «родителями» (или, как вариант перевода, «предками») Хлодвига в первую очередь следует понимать Хильдерика, короля франков, который предположительно правил с 458 по 482 год [Ewig, 1991, 25; Becher, 2011, 24]. Хильдерик был сыном Меровея и отцом Хлодвига, в современной историографии неизменно подчеркивают двойственный статус и положение Хильдерика: Д. Фрай, Ф. Лебек и М. Бехер признают, что, с одной стороны, Хильдерик был племенным королем франков, он получил свою королевскую власть не от римлян, но по праву наследования от своего отца Меровея. Общины франков подчинялись Хильдерiku в силу сложившихся у них племенных

структур управления. С другой стороны, Хильдерик занимал официальный римский пост – как полагают Д. Фрай, Ф. Лебек и М. Бехер, Хильдерик обладал должностью дукса двух провинций по верхнему течению Рейна, Бельгики и Германии II (нижней), королю франков принадлежала гражданская и военная власть над этими регионами [Becher, 2011, 123; Frye, 1992, 8–9; Lebecq, 2002, 121–122, 126].

Вслед за указанными выше исследователями мы не сомневаемся в двойственном характере функций Хильдерика. Другой вопрос, что официальные административные полномочия Хильдерика в качестве дукса Бельгики и Германии II, судя по всему, перешли в руки франкского короля по причине предшествующего завоевания данных регионов франками. Сидоний Аполлинарий в панегирике императору Авиту отмечает, что «франк разрушал первого Германца и второго Бельга¹» (*Francus Germanum primum Belgamque secundum sternebat* [Luetjohann, 1887, 212 – Sidon. Apoll. Carm. VII. vv. 372–373]). Очевидно, Сидоний имеет в виду две провинции, Германию I и Бельгику II. Тем не менее Э. Целльнер предположил, что под фразой галльского поэта следует понимать две германские провинции (Германию I и II, то есть Германию верхнюю и нижнюю) и две Бельгики, опять же первую и вторую [Zöllner, 1970, 31]. Соответственно, с учетом позиции исследователя, можно признать, что в результате крупного завоевательного похода под властью франков оказались все провинции римлян, располагавшиеся по течению Рейна, от Бельгики на севере до Германии верхней на юге. Судя по всему, именно после этого похода римская администрация была вынуждена признать новое расселение (точнее – переселение) франков и передать утраченные территории под управление франкских племенных вождей. Возникает вопрос: когда именно римляне заключили договор с франками и когда состоялись сами завоевания франков, точнее – кто в тот период правил франками, с каким королем римляне заключили мирный договор?

По мнению Э. Целльнера, римляне передали под власть франков две Германии и Бельгики в период правления императора Авита (455–456 годы), в обмен на это франки обязывались периодически нести военную службу в качестве союзников-федератов [Zöllner, 1970, 36]. В таком случае логично признать, что заключение договора, а значит и предшествующее переселение франков в Бельгику, состоялось при короле Мерове, который, напомним, предположительно правил в 448/450 – 458/460 годах, то есть время его правления хронологически совпадало с коротким правлением императора Авита. В этой связи подчеркнем, что имя Мероведей действительно встречается среди королей франков только один раз, в середине V века, ни до, ни после ни один из ранних франкских королей (до эпохи сыновей Хлодвига) не носил данное имя [Ewig, 1991, 22, 24–25].

¹ Как известно, слово *Belgae, arum* в латинском языке принадлежит к мужскому роду, см.: [Glar, 1968, 227, sv. *Belgae*].

Следовательно, возвращаясь к надписи из Брешии, которую мы процитировали в начале статьи, подчеркнем, что этот документ можно датировать именно серединой V века, поскольку она упоминает имя Маровех, близкое по звучанию и корню с именем Меровея. Согласно тексту надписи, Маровех служил в элитном, привилегированном отряде позднеримской императорской гвардии – в так называемой школе гентилев, поэтому у нас логично возникают закономерные вопросы: как были связаны между собой Маровех и Меровея и каким образом франк Маровех попал на службу в гвардию императорских телохранителей?

Применительно к данному сюжету обратимся к еще одной латинской надписи CIL XIII 3682 = D 2813 = ILCV 44 из Трира (верхняя Германия), которая упоминает Гариульфа, сына короля бургундов Ганхавальда: *Hariulfus protector / domesti<c>us <f>ilius Han/havaldi regalis genti/s Burgundionum qui / vicxit (sic) annos XX et men/s<e>es nove(m) et dies nove(m) / Reutilo avunculu/s ipsius fecit* («Гариульф, протектор, доместик, сын Ганхавальда, царя народа Бургундов, который прожил 20 лет, девять месяцев и девять дней. Реутил, его дядя, соорудил (памятник)»). Как убедительно доказал Д. Хоффманн, эпитафию Гариульфа следует датировать временем императора Валентиниана I, правившего в западной половине империи с 364 по 375 год. Официальная резиденция Валентиниана находилась как раз в Трире, там же размещалась и гвардия его телохранителей. По мнению Д. Хоффманна, Валентиниан I, заключивший военный союз с племенем бургундов с целью совместной борьбы с аламанными, включил Гариульфа, сына короля бургундов Ганхавальда, в состав своей элитной гвардии и наделил Гариульфа почетными и престижными придворными титулами протектора и доместика [Hoffmann, 1978, 317].

На наш взгляд, мы имеем все основания распространить пример Гариульфа и на Маровеха, служившего в школе гентилев, то есть в подразделении императорской гвардии. Другими словами, на наш взгляд, Маровех был либо сыном Меровея, либо, что более вероятно, ближайшим родственником короля франков, не исключено, что братом, поскольку историографическая традиция эпохи Меровингов в лице Григория Турского, Фредегара и «Книги истории франков» (*Liber Historiae Francorum*) донесла до нас сведения только об одном сыне Меровея, Хильдерике. Рискнем предположить, что именно Меровея был тем королем, который осуществил и возглавил поход франков в Бельгику и германские провинции западной Римской империи, именно он завоевал данные регионы и подчинил их своей власти. Император же Авит, не в силах справиться с новым натиском франков, предпочел заключить с Меровеем мир и передать Бельгику под его управление, назначив франкского короля на должность дукса данной провинции, в то время как ближайший родственник Меровея по имени Маровех был зачислен на службу в школу гентилев, элитное подразделение императорской гвардии, располагавшееся в Италии. После смерти Меровея королевскую

власть над франками получил его сын Хильдерик, и в то же время в руки Хильдерика вполне органично перешла и должность дукса Бельгики, которую ранее занимал его отец. Соответственно, мы должны ответить на еще один вопрос, связанный с данной темой: почему историографическая традиция Меровингов не упоминает Маровеха, родственника Меровея, и ничего не сообщает о военной службе данного персонажа в составе гвардии императорских телохранителей?

«Книга истории франков» (*Liber Historiae Francorum*), троянский миф о происхождении франков и королевские генеалогии Меровингов. Мы сознательно ограничимся ссылками на «Книгу истории франков», небольшую анонимную хронику о происхождении, переселениях и деяниях народа франков, составленную в 720-х годах, поскольку, в отличие от более ранних исторических трудов эпохи Меровингов (Григория Турского и Фредегара, а также его продолжателей), «Книга истории франков» полностью и исключительно посвящена только франкам. Анонимный хронист рассматривает историю франков, при этом светскую историю, без отступлений в сторону церковных и всемирно-исторических сюжетов. Интерес «Книги истории франков» сконцентрирован именно на локальной истории данного народа, и, соответственно, повествование представляет собой последний, завершающий этап развития так называемого троянского мифа о происхождении франков².

И Григорий Турский, и Фредегар, и автор «Книги истории франков» неизменно высказывали тезис о происхождении франков от троянцев, уцелевших после войны с греками и бежавших из разрушенного города морским путем в другие, более отдаленные земли и регионы. Как в свое время показал Б. Луизелли, сам троянский миф восходит к тем представлениям, которые были распространены в Галлии еще в IV веке н.э., задолго до завоевания данного региона франками. Средиземноморский миф о происхождении галлов от троянцев долгое время служил одним из инструментов идеологии галльского сепаратизма, сепаратистских настроений, популярных в течение всего IV века, но после того, как франки завоевали Галлию, Григорий Турский уже в конце VI века существенно обновил, «германизировал» этот миф, заменив галлов на франков [Luiselli, 1978, 114].

Как проследил Дж. Барлоу, впервые идеи о троянском происхождении франков появились при дворе короля Тевдеберта I, который правил с 534 по 548 год; более того, по мнению Дж. Барлоу, именно Тевдеберт I первым высказал мысль о том, что род и династия Меровингов восходят к троянской знати, воевавшей против греков. Тем самым, как заключает Дж. Барлоу, король франков обосновывал свои территориальные притязания на

² Последнюю по времени характеристику «Книги истории франков» как исторического источника, ее основной концепции и методов изложения материала см.: [Ghosh, 2016, 98, 101, 103–104].

северную Италию и Паннонию, а также повышал престиж своей монетной эмиссии [Barlow, 1995, 93].

С учетом позиции Дж. Барлоу мы можем признать, что к 720-м годам, когда была написана «Книга истории франков», троянский миф уже прочно и основательно вошел в число основных структурных сюжетов франкской историографии периода Меровингов. Этот миф стал частью легендарного героического прошлого франков, логично превратился в художественный элемент их исторического эпоса. Тем не менее сведения «Книги истории франков» в значительной мере отражают и реально происходившие процессы и факты, просто данная хроника меняет содержание (смысл) этих фактов, выполняя задачу героизации ранней истории франков. Для нас же сведения «Книги истории франков» интересны в том отношении, что они непосредственно связаны с вопросом об образе и восприятии первых королей из рода Меровингов в исторических хрониках франков VI–VIII веков.

Прежде всего, автор хроники совершенно отчетливо возводит происхождение франков к той группе троянцев, которая, согласно тексту, бежала из осажденной и погибающей Трои вместе со своими лидерами Приамом и Антенором; хронист называет их «знатью» (*Alii quoque ex principibus, Priamus videlicet et Antenor* – «Другие же из знатных, конечно же, Приам и Антенор»), в то время как другая группа беглых троянцев, возглавляемая «тираном» Энеем, отправилась на кораблях к берегам Италии, где разместилась с целью ведения дальнейших войн (*fugit Aeneas tyrannus in Italia locare gentes ad pugnandum* – «тиран Эней бежал и расселил народы в Италии для сражения»). Та же группа, которая находилась под властью Приама, после долгих странствий прибыла к берегам реки Танаис (современный Дон), отсюда переместилась в район Меотиды (Приазовье, берег Азовского моря) и, наконец, достигла земель Паннонии, где обитала многие годы (*venerunt usque ripas Tanais fluminis. Ingressi Meotidas paludes... pervenerunt intra terminos Pannoniarum* – «они дошли вплоть до реки Танаис. Они вошли в Меотидские болота... они прибыли (в земли) внутри границ Паннонии» [Krusch, 1888, 241–242 – Liber Historiae Francorum, 1]).

Впоследствии, как сообщает хроника, римский император Валентиниан (напомним, правил в 364–375 годах), боровшийся с «аланами» (в реальности, конечно же, с аламаннами), обратился за помощью к троянцам, расселившимся в Паннонии, пообещав, что, если троянцы уничтожат «аланов», он позволит троянцам в течение 10 лет не выплачивать римскому государству налоги (*concedam eis tributa donaria annis decim* – «тем я на десять лет уступлю выплачиваемые налоги»). Соответственно, когда троянцы «вместе с остальным народом римлян» (*cum alio populo Romanorum*) одержали победу над врагом, они получили от императора название «франки» (*Tunc appellavit eos Valentinianus imperator Francos* – «Тогда Валентиниан назвал их франка-

ми») в честь их свирепости и отважности, а также освобождение от выплаты налогов на 10 лет [Krusch, 1888, 242–243 – Liber Historiae Francozum 2, 3].

Когда же по прошествии 10 лет Валентиниан потребовал у франков вернуть все уступленные ранее подати, франки восстали, но были разбиты, бежали из Паннонии в области по течению Рейна и там, по совету Маркомира, сына Приама (*Marchomiro, filium Priamo*), избрали своим царем Фарамунда, сына Маркомира (*et elegerunt Faramundo, ipsius filio* [Krusch, 1888, 244 – Liber Historiae Francozum 4]). К перечисленным сведениям мы хотели бы добавить данные двух франкских королевских генеалогий, эти генеалогические списки дошли до нас в рукописях X–XI веков. Сами рукописи хранятся во Французской национальной библиотеке, они были опубликованы Э. Ренаром сравнительно недавно, в 2014 году [Renard, 2014, 1013].

Мы позволим себе процитировать только первые, интересующие нас строки данных генеалогических таблиц, цитируем тексты по чтению Э. Ренара: 1) *Primus rex Francorum Faramundus. Secundus Chludio filius eius. Tercius Mereuius filius Mereuei. Quartus Childericus filius Mereuei & regnavit annos XXIII* («Первый король франков – Фарамунд. Второй – Хлудий, его сын. Третий – Меревий, сын Меревия³. Четвертый – Хильдерик, сын Меревия, и он правил 24 года»); 2) *Primus rex Francorum Faramundus. Secundus Chlodouetus filius eius. Tercius Mereuius filius Chlodoueti. Quartus Childericus filius Mereuii et regnavit annis viginti quattuor* («Первый король франков – Фарамунд. Второй – Хлодовет, его сын. Третий – Меревий, сын Хлодовета. Четвертый – Хильдерик, сын Меревия, и он правил двадцать четыре года») [Renard, 2014, 1013].

Сопоставив же сведения «Книги истории франков» и цитированных королевских генеалогий, мы можем подчеркнуть, что автор хроники прекрасно знал королевскую генеалогическую традицию франков, сложившуюся еще к началу VII века. В соответствии с этой традицией анонимный хронист назвал первым королем франков Фарамунда. Фарамунд же, в свою очередь, представлен как внук Приама, лидера одной из групп бежавших троянцев. Более того, хронист дает понять читателю, что франки произошли от славной и добродетельной, достойной линии троянской знати, возглавляемой Приамом, в то время как худшая часть троянской политической элиты, находившаяся под властью «тирана» Энея, прибыла к берегам Италии и тем самым, в соответствии с классической версией троянского мифа, представленной у Вергилия в его поэме «Энеида», дала начало римлянам, расселившимся в Италии.

³ Очевидно, дублирование имени Меревий в этом месте таблицы – не более чем хронологическая ошибка переписчика рукописи, вслед за Ж.-П. Поли Э. Ренар датирует архетип рукописей VII века периодом 613–630 годов, позже, в IX веке, уже в эпоху Каролингов, к этому архетипу были добавлены сведения по франкским королям, правившим после 630 года. См.: [Renard, 2014, 1010, 1017, n. 66; Poly, 1996, 373].

Г.-Г. Антон предположил, что автор «Книги истории франков» поместил народ франков в контекст всемирной истории через связь с римлянами [Anton, 2000, 22]. Тем не менее хронист определенно пытался *противопоставить* франков римлянам, показать, что франки и римляне произошли от совершенно разных ветвей троянской знати, однако впоследствии составляли один народ. Не случайно автор использует фразу «вместе с остальным народом римлян» (*cum alio populo Romanorum*). Первоначально франки подчинялись римскому императору, жили на территории империи и как часть подвластного населения даже платили налоги римской администрации. Затем, в ходе борьбы с римлянами, они добились независимости, обрели новую родину и избрали себе нового короля, тем самым основав свою собственную королевскую династию.

В связи с этим, на наш взгляд, хронист совершенно не случайно упоминает о временном пребывании троянцев = франков в Паннонии. Н. Вагнер предположил, что слова о Паннонии – не более чем топографическая ошибка хрониста, который использовал трактат Плиния Старшего «Естественная история». В этом произведении римский ученый говорит о регионе под названием *Bononia* (Бонония), по мнению Н. Вагнера, в изложении хрониста топоним *Bononia* превратился в топоним *Pannonia* [Wagner, 1977, 219], но в этом случае возникает закономерный вопрос: почему все же хронист преобразовал наименование *Bononia* в *Pannonia*, по какой причине он избрал именно Паннонию в качестве ранней, первой родины франков? Судя по всему, причина заключалась в том, что в IV веке многие франки размещались в Паннонии и несли там военную службу в составе регулярных пограничных подразделений римской армии. Эти подразделения дислоцировались в небольших крепостях и размещались в Паннонии в качестве постоянных гарнизонов.

Наш вывод подтверждает надпись из Паннонии CIL III 3576 = D 2814, которая принадлежит некоему франку, он четко называет себя франком по рождению, но римским воином по службе в армии (*Francus ego cives (sic) Romanus miles in armis*). Судя по тексту надписи и ее местонахождению, этот франк служил как раз в одном из регулярных пограничных римских гарнизонов Паннонии. Как справедливо подчеркнул Дж. Барлоу, данная надпись (эпитафия) свидетельствует, что, даже выполняя военную службу в римской регулярной армии (возможно, в качестве наемников, не исключено, что и как пленники, принудительно зачисленные в войсковые соединения), франки все равно продолжали воспринимать себя франками, они прекрасно помнили о своем этническом происхождении и осознавали свою национальную идентичность [Barlow, 1996, 226].

Мы же, со своей стороны, можем добавить, что достоверно зафиксированный факт реальной военной службы франков в римской армии в Паннонии получил совершенно иное отражение и содержание в «Книге

истории франков»: в трактовке хрониста, франки не служили, а именно жили на территории Паннонии как часть ее местного населения, подвластного римскому императору, но из-за конфликта с императором были вынуждены оставить Паннонию и переселиться в другие земли, лежавшие уже по течению Рейна.

На наш взгляд, те же метаморфозы в своем содержании претерпела и королевская генеалогия франков. И Григорий Турский, и Фредегар, и автор «Книги истории франков», который следовал идеям своих предшественников, предпочли умолчать о факте военной службы некоего Маровеха, упоминаемого в надписи из Брешии, родственника короля Меровея, в позднеримской императорской гвардии. Более того, ни один из перечисленных авторов принципиально ничего не говорит о самом Маровехе, умалчивают о нем и франкские королевские генеалогии, называя только последовательность Хлодий – Мервей – Хильдерик (если говорить о самых ранних королях франков). Очевидно, как для хронистов, так и для составителей королевских генеалогий было невыгодно упоминать о пребывании кого-либо из ранних франкских королей или их прямых родственников на военной или административной службе у римлян; данный факт, судя по всему, мог существенно приуменьшить степень независимости франкского королевского рода и, следовательно, понизить престиж правящей династии Меровингов.

Повторим, подобный взгляд на Римскую империю и римлян был органично связан со структурными и художественными особенностями троянского мифа, о которых мы уже говорили ранее. Именно поэтому ни нарративные источники, ни генеалогические таблицы по истории франкского королевского рода Меровингов ничего не упоминают о загадочном персонаже Маровехе, который, тем не менее, упоминается в надписи из Брешии и который, судя по всему, занимал довольно привилегированное положение, обладал знатным происхождением, поскольку он служил в элитной школе гентиллов. Тем не менее не во всех раннесредневековых генеалогиях мы можем встретить аналогичные черты – к примеру, знаменитая рукопись *Harleian ms. 3859* из собрания Британской библиотеки, составленная в конце XI века, содержит генеалогии знатных родов Уэльса (так называемые Харлейские генеалогии, по имени Роберта Харли, британского политического деятеля, жившего в 1661–1724 годах; в его собственности находились эта и многие другие рукописи, которые он позже передал в дар Британскому музею, будущей Британской библиотеке), сведения данных генеалогий представляют значительный интерес именно в сравнении с королевскими генеалогиями франков.

Данные генеалогии были написаны на гэльском (кельтском) языке в конце X века. Впервые текст был издан в конце XIX века в британском кельтологическом журнале «*Y Cymmrodor*». Более новое чтение и адаптированный английский перевод источника предложил М. Миллер. Цитируем текст по изданию в *Y Cymmrodor* и по чтению М. Миллера [Phillimore, 1888, 171

(текст), 145 (датировка рукописи и самой генеалогической таблицы); Miller, 1977, 38]: 1) *map. Triphun... / map. Maxim gulecic / map. Protec. / map. Protector / map. Constans / map. Constantini magni / map. Constantii et Helen.* (первое издание); 2) *Constantius, marr. Helen / Constantinus Magnus / Constans / ... Protector / Protec / Maxim gulecic / ... / Tryffin* (версия М. Миллера).

Ф. Ранс убедительно доказал, что харлейские генеалогии отражают родословные линии ирландских знатных семей, а именно, по мнению исследователя, в 360-х годах достаточно крупный союз ирландских племен, известный в различных раннесредневековых ирландских хрониках как Déisi, вынужден был мигрировать из Ирландии на территорию современного Уэльса в Британии. Соответственно, харлейские генеалогии подробно расписывают историю ирландской племенной аристократии, прибывшей в Уэльс в тот период. Ф. Ранс полагает, что слова *Triphun / Tryffin* и *Protector*, встречающиеся в генеалогической таблице, на самом деле следует понимать не как имена собственные, а как римские военные титулы трибуна и протектора. По мнению Ф. Ранса, наличие подобных титулов у представителей ирландской племенной аристократии свидетельствует в пользу того, что эти представители находились на римской военной службе в качестве союзников-федератов. Римская администрация Британии заключила договор с ирландскими племенами и возложила на них обязанность по охране берегов Уэльса от нападений внешних противников (в основном пиратов-саксов), в обмен на это римляне присвоили племенным вождям ирландцев официальные титулы трибуна и протектора [Rance, 2001, 252–253, 256, 259–260].

Мы же хотели бы обратить внимание и на другой, не менее важный, факт, а именно: тот знатный ирландский племенной род, который представлен в цитированной выше Харлейской генеалогической таблице, возводит свое происхождение непосредственно к Констанцию Хлору, отцу императора Константина I Великого, и затем к самому Константину, его сыну Константу и даже к британскому узурпатору Магну Максиму (упоминается под именем *Maxim gulecic*), который командовал войсками в Британии и там же провозгласил себя императором в 383 году. Если мы сопоставим сведения харлейских генеалогий с франкскими королевскими родословными, то можем отчетливо увидеть, что франкские генеалогические таблицы совершенно не упоминают ни каких-либо римских императоров в качестве далеких предков рода Меровингов, ни каких-либо римских административных титулов, даже если они действительно были у ранних франкских королей (например, у Хильдерика, сына Меровея, определенно был пост наместника или, что более вероятно, дукса Бельгики, тем не менее, эта должность не упоминается в генеалогических таблицах вместе с именем Хильдерика).

Соответственно, завершая наше исследование, можно признать, что франкская историография в лице нарративных источников (хроник) и генеалогических таблиц не была заинтересована в том, чтобы упоминать о военной

службе того или иного представителя рода Меровингов в римской армии; не было у франкских авторов и интереса в том, чтобы наделять своих ранних королей какими-либо римскими придворными титулами – это противоречило целям и задачам троянского мифа, действовавшего в королевстве франков в качестве инструмента официальной политической идеологии. Наоборот, в уэльских (Харлейских) племенных генеалогиях связь с Римской империей не только подчеркивалась, но и всячески возвеличивалась: составитель Харлейских генеалогий определенно стремился повысить престиж того или иного знатного ирландского рода именно за счет связи с римской административной системой и именами самих императоров, в основном тех, которые в различные периоды времени находились на территории Британии. На наш взгляд, все перечисленные выше процессы как раз и послужили причинами отсутствия упоминаний о Маровехе, родственнике короля Меровея, в хрониках и генеалогических таблицах эпохи Меровингов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- AE – L'Année épigraphique. Paris, 1889–... .
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Berlin, 1863–1959.
D – Inscriptiones Latinae Selectae / ed. H. Dessau. Vol. I–III. Berolini, 1892–1916.
FMSt – Frühmittelalterliche Studien. Münster, 1967–... .
ILCV – Inscriptiones Latinae Christianae Veteres / ed. E. Diehl. Vol. I. Berolini, 1961².
MGH AA – Minumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1892–... .
MH – Museum Helveticum. Zürich, 1944–... .
MIÖG – Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1880–... .

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson Th. Roman military colonies in Gaul, Salian Ethnogenesis and the forgotten meaning of Pactus Legis Salicae 59. 5 // Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4/2. P. 129–144.
Anton H.-H. Troja-Herkunft, origo gentis und frühe Verfaßtheit der Franken in der gallisch-fränkischen Tradition des 5. bis 8. Jahrhundert // MIÖG. 2000. Bd. 108. Hft. 1/2. S. 1–30.
Barlow J. Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // FMSt. 1995. Bd. 29. P. 86–95.
Barlow J. Kinship, Identity and Fourth-Century Franks // Historia. Bd. 45. Hft. 2. 1996. P. 223–239.
Becher M. Chlodwig I: Der Aufstieg der Merowinger und das Ende der antiken Welt. München: C.H. Beck, 2011. 330 S.
Ewig E. Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im Merowingischen Königshaus // Francia. 1991. Bd. 18/1. S. 21–69.
Frye D. Aegidius, Childeric, Odovacer and Paul // Nottingham Medieval Studies. 1992. Vol. 36. P. 1–14.
Garzetti A., Valvo A. Mantissa epigraphica Bresciana. Brescia: Geroldi, 1999. 78 p.
Ghosh Sh. Writing the Barbarian Past. Studies in Early Medieval Historical Narrative. Leiden: Brill, 2016. 315 p.
Gundlach W. (ed.). Epistolae Merovingici et Karolini aevi. Tomus I / rec. W. Gundlach. Berolini: apud Weidmannos, 1892 (MGH. Epistolarum tomus III). 762 p.
Hoffmann D. Wadomar, Bacurius und Hariulf. Zur Laufbahn adliger und fürstlicher Barbaren im spätrömischen Heere des 4. Jahrhunderts // MH. 1978. Bd. 35. S. 307–318.

Krusch B. (ed.). *Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum* / ed. B. Krusch. Hannoverae: impensis bibliopolii Hanniani, 1888 (MGH. *Scriptores rerum Merovingicarum*, tomus II). 579 p.

Lebecq S. *The Two Faces of King Childeric. History, Archaeology, Historiography // Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter* / Hrsg. von W. Pohl, M. Diesenberger. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. P. 119–132.

Luetjohann Chr. (ed.). *Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina* / rec. Chr. Luetjohann. Berolini: apud Weidmannos, 1887 (MGH. AA VIII). 484 p.

Luiselli B. *Il mito dell'origine troiane dei Galli, dei Franchi e degli Scandinavi // Romano-barbarica*. 1978. Vol. 3. P. 89–122.

Miller M. *Date-Guessing and Dyfed* // *Studia Celtica*. 1977. Vol. 12/13. P. 33–61.

Murray A.C. *Post vocantur Merovingii: Fredegar, Merovech, and 'Sacral Kingship'*. // *After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History* / ed. by A.C. Murrey. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 121–152.

Oxford Latin Dictionary / ed. by P.G.W. Glar. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Phillimore E. *The Annales Cambriae and Old Welsh Genealogies, from Harleian ms. 3859 // Y Cymmrodor*. 1888. Vol. 9. P. 141–183.

Poly J.-P. *De la société franque à la société féodale: continuité et discontinuité // Les origines de la féodalité. Hommages à Claudio Sánchez Albornoz* / ed. par J. Pérez et S.A. Nieto. Madrid: Universidad de Alcalá, 2000. P. 183–196.

Poly J.-P. *Le dernier des Mérovingiens ou la parenté du premier roi de France* // *Revue historique de droit français et étranger*. 1996. Vol. 74/3. P. 353–396.

Rance Ph. *Attacotti, Déisi and Magnus Maximus: The Case for Irish Federates in Late Roman Britain* // *Britannia*. 2001. Vol. 32. P. 243–270.

Renard É. *Le Pactus Legis Salicae, règlement militaire romain ou code de lois compilé sous Clovis?* // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 2009. Vol. 167/2. P. 321–352.

Renard É. *Le sang de Mérovée. «Préhistoire» de la dynastie et du royaume mérovingiens* // *Revue Belge de philologie et d'histoire*. 2014. Vol. 92/4. P. 999–1039.

Springer M. *Gab es ein Volk der Salier?* // *Nomen und Gens. Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen* / Hrsg. von D. Geuenich, J. Jarnut. Berlin: De Gruyter, 1997. S. 58–83.

Wagner N. *Zur Herkunft der Franken aus Pannonien* // *FMSt*. 1977. Bd. 11. S. 218–228.

Zöllner E. *Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts*. München: C.H. Beck, 1970. 282 S.

Ye.A. Mekhamadiev

PhD (in History),

Senior Lecturer of Medieval History Department,

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

**THE FRANKS IN THE LATE ROMAN IMPERIAL GUARD
AND THE FIRST MEROWINGIANS: TREATMENT
OF THE INSCRIPTION FROM ITALY (THE CITY OF BRESCIA)
AE. 1999. 733**

Traditionally, the personality of Meroveus, the king of the Franks and a legendary founder of Merovingian dynasty, is considered in historyography as a dubious and unreliable one. It was caused by little evidence about this person in the

historical records. A narrative tradition of the Franks by Gregory of Tours, Fredegar and «The Book of History of the Franks» (Liber Historiae Francorum) preserved very rare evidence of Meroveus. However, a Latin inscription (an epitaph) from the city of Brescia in the north of Italy may give a new previously unstudied details in Meroveus' life and may open new details of the Frankish-Roman interrelations in the 448/450s–458/460s, i.e. during the supposed time of Meroveus' ruling over the Franks. This inscription mentions a certain Marovehus, obviously, according to his name, we may assume that Marovehus was a Frank. Therefore, having compared this inscription and the evidence of narrative sources («The Book of History of the Franks», a poem of Sidonius Apollinaris, the works of Zosimus and Ammianus Marcellinus), the author concluded that Marovehus from the inscription was a close relative of Meroveus. Moreover, Marovehus from the inscription served in the elite military detachment of the Late Roman court imperial guard, this detachment was called «the schola gentilium». The author supposes that Marovehus came in this military unit as a result of a treaty between the Franks headed by Meroveus and The Romans signed in the 455/456s, i.e. during the reign of West Roman Emperor Avitus. This treaty established a military alliance between the Franks and the Romans. According to the treaty, the powerful representatives of Frankish tribal aristocracy, including Marovehus from the inscription, became soldiers in the elite military units of Late Roman imperial guard.

Key words: *inscription from Brescia; Meroveus; the Merovingians; Troianic myth; the Franks; the Salians; Late Roman imperial guard.*

REFERENCES

- Anderson, Th. (1994). Roman military colonies in Gaul, Salian Ethnogenesis and the forgotten meaning of Pactus Legis Salicae 59. 5 // *Early Medieval Europe*. 4/2. 129–144 (in English).
- Anton, H.-H. (2000). Troja-Herkunft, origo gentis und frühe Verfaßtheit der Franken in der gallisch-fränkischen Tradition des 5. bis 8. Jahrhundert [Troja-Origin, Origo Gentis and the Early Administration Government of the Franks by Gallic-Frankish Tradition from the 5th to the 8th Century] // *MIÖG*. 108/1–2. 1–30 (in German).
- Barlow, J. (1995). Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // *FMSt*. 29. 86–95 (in English).
- Barlow, J. (1996). Kinship, Identity and Fourth-Century Franks // *Historia*. 45/2. 223–239 (in English).
- Becher, M. (2011). Chlodwig I: Der Aufstieg der Merowinger und das Ende der antiken Welt [Chlodwig I: The Rise of the Merowing and the End of the Ancient World]. München: C.H. Beck. 330 s. (in German).
- Ewig, E. (1991). Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im Merowingischen Königshaus [A Naming Construction by the Most Early Frankish Kings and within the Merovingian Royal Family] // *Francia*. 18/1. 21–69 (in German).
- Frye, D. (1992). Aegidius, Childeric, Odovacer and Paul // *Nottingham Medieval Studies*. 36. 1–14 (in English).
- Garzetti, A., Valvo, A. (1999). Mantissa epigraphica Bresciana [Epigraphic Monuments from Brescia]. Brescia: Geroldi. 78 s. (in Italian)
- Ghosh, Sh. (2016). *Writing the Barbarian Past. Studies in Early Medieval Historical Narrative*. Leiden: Brill. 315 p. (in English).

Gundlach, W. (ed.). (1892). *Epistolae Merovingici et Karolini aevi* [Letters from the Periods of Merovingians and Carolingians]. Tomus I. Berolini: apud Weidmannos (MGH. Epistolarum tomus III). 762 s. (in Latin)

Hoffmann, D. (1978). Wadomar, Bacurius und Hariulf. Zur Laufbahn adliger und fürstlicher Barbaren im spätrömischen Heere des 4. Jahrhunderts [Wadomar, Bacurius and Hariulf. On the Career of Noble and Chieftain's Barbarians in the Late Roman Army of the 4th Century] // MH. 35. 307–318 (in German).

Krusch, B. (ed.). (1888). *Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum* [The Chronicles of Fredegar and others]. Hannoverae: impensis bibliopolii Hanniani (MGH. Scriptores rerum Merovingicarum, tomus II). 579 s. (in Latin).

Lebecq, S. (2002). The Two Faces of King Childeric. History, Archaeology, Historiography // W. Pohl, M. Diesenberger (eds.). *Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften* [Integration and Domination. Ethnic Identities and Social Organization in the Early Middle Ages. Vienna: Publishing house of the Austrian Academy of Sciences], P. 119–132 (in English).

Luetjohann, Chr. (ed.). (1887). *Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina* [The Letters and Poems of Gaius Sidonius Apollinaris]. Berolini: apud Weidmannos (MGH. AA VIII). 484 s. (in Latin).

Luiselli, B. (1978). Il mito dell'origine troiane dei Galli, dei Franchi e degli Scandinavi [A Myth about the Troian Origin of the Galls, the Franks and the Scandinavians] // *Romanobarbarica*. 3. S. 89–122 (in Italian).

Miller, M. (1977). Date-Guessing and Dyfed // *Studia Celtica*. 12/13. P. 33–61 (in English).

Murray, A.C. (1998). Post vocantur Merovingii: Fredegar, Merovech, and 'Sacral Kingship' // A.C. Murrey (ed.). *After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History*. Toronto: University of Toronto Press. P. 121–152 (in English).

Glar, P.G.W. (ed.). (1968). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press. 2126 p. (in English).

Phillimore, E. (1888). The *Annales Cambriae* and Old Welsh Genealogies, from Harleian ms. 3859 // *Y Cymmrodor*. 9. P. 141–183 (in English).

Poly, J.-P. (2000). De la société franque à la société féodale: continuité et discontinuité // J. Pérez et S.A. Nieto (eds.). *Les origines de la féodalité. Hommages à Claudio Sánchez Albornoz* [From the Frankish to the Feudal Society: Continuity and Interruption // J. Pérez and S.A. Nieto (eds.). *The Origins of Feudalism Tribute to Claudio Sánchez Albornoz*]. Madrid: Universidad de Alcalá, S. 183–196 (in French).

Poly, J.-P. (1996). Le dernier des Mérovingiens ou la parenté du premier roi de France [The Last of the Merovingians and a Kinship of the First King of the Franks] // *Revue historique de droit français et étranger*. 74/3. S. 353–396 (in French).

Rance, Ph. (2001). Attacotti, Déisi and Magnus Maximus: The Case for Irish Federates in Late Roman Britain // *Britannia*. 32. P. 243–270 (in English).

Renard, É. (2009). Le *Pactus Legis Salicae*, règlement militaire romain ou code de lois compilé sous Clovis? [The *Pactus Legis Salicae*, Was it a Roman Military Regulations or a Law Code composed under Chlodwig?] // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 167/2. S. 321–352 (in French).

Renard, É. (2014). Le sang de Mérovée. «Préhistoire» de la dynastie et du royaume mérovingiens [The Blood of Meroveus. A Prehistory of the Dynasty and the Kingdom of the Merovingians] // *Revue Belge de philologie et d'histoire*. 92/4. S. 999–1039 (in French).

Springer, M. (1997). Gab es ein Volk der Salier? // D. Geuenich, J. Jarnut (eds.) *Nomen und Gens. Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen* [Did the People of the Salians Really Exist? // D. Geuenich, J. Jarnut (eds.) *Nouns and Genes. Towards the Historical Significance of Early Medieval Personal Names*]. Berlin: De Gruyter. S. 58–83 (in German).

Wagner, N. (1977). Zur Herkunft der Franken aus Pannonien [Towards the Origin of the Franks from Pannonia] // FMSt. 11. S. 218–228 (in German).

Zöllner, E. (1970). Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts [A History of the Franks up to the Mid-Sixth Century]. München: C.H. Beck, 282 s. (in German).

В.М. Овчинников

*Смоленский государственный институт искусств
Смоленск, Россия*

УДК 94(44).029–94(44).03

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКО-ИНЖЕНЕРНОГО КОРПУСА ВО ФРАНЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: абсолютизм; иерархия; артиллерия; новая клиентела; военная революция в Европе; инструментализация античного наследия.

В статье рассматриваются основные особенности становления и развития французского артиллерийско-инженерного корпуса в рамках комплекса социальных и политических трансформаций, сопряженных с таким глобальным процессом, как «военная революция в Европе», которая становится фоном для установления во Франции абсолютизма, что связано с деятельностью Людовика XIV, который использовал военный механизм для укрепления собственной власти, активно прибегая к инструментализации античного, в частности римского, наследия. Автор отмечает значительный интерес, проявляемый французскими властями к артиллерии как к военному средству, а также политическому орудью, что напрямую связано с трансформацией в середине XVIII столетия французской фортификационной школы, что уместно связать с такими процессами, как «артиллерийская революция» и «фортификационная революция».

Кроме того, в статье рассматриваются структурные особенности французского инженерного корпуса, включающего в себя, наряду с артиллерийскими, саперные и специальные фузилерные части, траншейные команды и пр. Демонстрируются особенности его трансформации в условиях военного и мирного времени, что нашло отражение в воспоминаниях многочисленных современников, в том числе и самого Людовика XIV. Также обращается внимание на оформление централизованной системы подготовки офицеров-артиллеристов, превратившихся в часть новой корпорации – офицерского корпуса, призванного быть проводником абсолютизма как военно-политической доктрины.

По мнению целого ряда исследователей, среди которых особо стоит выделить К. Роджерса, в рамках такого процесса, как «военная революция в